Тихий американец

Автор:
Грэм Грин

Тихий американец

Грэм Грин

Эксклюзивная классика (АСТ)

Идея романа «Тихий американец» появилась у Грэма Грина после того, как он побывал в Индокитае в качестве военного корреспондента лондонской «Таймс». Выход книги спровоцировал скандал, а Грина окрестили «самым антиамериканским писателем». Но время все расставило на свои места: роман стал признанной классикой, а название его и вовсе стало нарицательным для американских политиков, силой насаждающих западные ценности в странах третьего мира. Вьетнам начала 50-х годов XX века, Сайгон. Жемчужина Юго-Восточной Азии, колониальный рай, объятый пламенем войны. Сюда со всех частей света слетелись «ястребы» в надежде отхватить лакомый кусок. На фоне жестких циничных политиканов выделяется наивный юноша – «тихий американец» Олден Пайл, мечтающий нести добро и свет демократии по всему миру. Однако… кто же это сказал: «бойтесь данайцев, дары приносящих…»?

Грэм Грин

Тихий американец

Graham Greene

THE QUIET AMERICAN

Перевод с английского А. Кабалкина

Серийное оформление и компьютерный дизайн Е. Ферез

Печатается при содействии литературных агентств David Higham Associates и The Van Lear Agency LLC.

Серия «Эксклюзивная классика»

© Graham Greene, 1955, 1973

© Перевод. А. Кабалкин, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Дорогие Ренэ и Фуонг!

Я попросил разрешения посвятить эту книгу вам не только в память о счастливых вечерах, которые проводил с вами в Сайгоне последние пять лет, но и потому, что бессовестно позаимствовал адрес вашей квартиры, чтобы поселить там одного из моих героев, а еще ваше имя, Фуонг, ради удобства читателей, – ведь оно простое, красивое и легко произносится в отличие от многих имен ваших соотечественниц. Как вы оба увидите, этим заимствования почти исчерпываются, к ним никак не относятся персонажи, действующие во Вьетнаме. За образами Пайла, Грэнджера, Фаулера, Виго, Джо не скрывались реальные люди в Сайгоне или Ханое, а генерал Тхе мертв: говорят, его убили выстрелом в спину. Даже исторические события как минимум один раз поменялись местами. Например, большой взрыв у «Континенталя» произошел до взрывов велосипедных бомб, а не наоборот. Такие мелкие изменения меня не смущают. Это не исторический труд, а повесть о вымышленных людях, и, надеюсь, она поможет вам обоим скоротать жаркий сайгонский вечер.

Любящий вас

Грэм Грин

«Я не люблю тревог: тогда проснется воля,

А действовать опаснее всего; я трепещу при мысли

Стать фальшивым, сердечную обиду нанести

иль беззаконье совершить —

Все наши представления о долге так ужасны

и нас толкают на поступки эти»[1 - Пер. Е. М. Голышевой.].

Артур Клаф

«К спасенью душ и умерщвленью плоти,

Благую цель преследуя притом,

В наш век – вы сотни способов найдете».

Байрон

Часть первая

1

После ужина я ждал Пайла у себя на улице Катина. Он сказал: «Я буду у вас не позднее десяти». Когда наступила полночь, я не усидел и спустился на улицу. На лестничной площадке собрались старухи в черных штанах; был февраль, и им, наверное, надоело ворочаться в постелях в жару. В сторону реки медленно ехал велорикша; там, где разгружали новые американские самолеты, горели

прожекторы. Пайла на всей длинной улице не оказалось.

Конечно, сказал я себе, что-то могло задержать его в американском представительстве, но в таком случае он обязательно позвонил бы в ресторан – Пайл был очень щепетилен по части соблюдения приличий. Я уже хотел вернуться, когда увидел у соседней двери девушку. Лица не различил, только белые шелковые шаровары и длинное цветастое платье, но все равно узнал ее. Она часто ждала моего возвращения именно в этом месте, в этот час.

– Фуонг, – произнес я. Это значит Феникс, но в наше время со сказками покончено, ничто уже не восстает из праха. Она еще ничего не успела сказать, но я догадался, что Фуонг тоже ждет Пайла. – Его нет.

– Je sais. Je t’ai vu seul a la fenetre[2 - Знаю. Я видела тебя в окне одного (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.].

– Если хочешь, можешь подняться, – предложил я. – Он скоро придет.

– Я подожду здесь.

– Лучше не надо. Тебя может забрать полиция.

Она пошла за мной наверх. Я перебирал в голове разные остроты и грубости, но Фуонг недостаточно знала английский и французский, чтобы понять иронию, да и мне, как ни странно, не хотелось делать больно ей и даже себе. Мы поднялись на лестничную площадку, и все старухи повернули к нам головы, а когда мы мимо них прошли, их голоса стали звучать громче, будто они хором затянули песню.

– О чем они говорят?

– Они думают, что я вернулась домой.

Деревце, которое я поставил у себя в комнате несколько недель назад в честь китайского Нового года, уже сбросило пожелтевшие листья, застрявшие теперь между клавишами пишущей машинки. Я стал вынимать их.

– Tu es trouble?[3 - Ты волнуешься? (фр.)] – спросила Фуонг.

– Это на него не похоже. Он такой пунктуальный.

Я снял галстук, разулся и растянулся на кровати. Фуонг зажгла газовую горелку и стала кипятить воду для чая. Прошедших шести месяцев как не бывало.

– Он говорит, ты скоро уедешь, – сказала она.

– Возможно.

– Он очень любит тебя.

– Спасибо ему – вот только за что? – пробурчал я.

Я видел, что Фуонг изменила прическу – теперь прямые черные волосы свободно падали на плечи. Я вспомнил, как однажды Пайл раскритиковал ее прежнюю прическу, которую, по ее мнению, полагалось носить дочери мандарина. Я зажмурился, и Фуонг снова стала прежней: шипением пара, звоном фарфора, заветным временем в ночи и обещанием покоя.

– Он скоро придет, – произнесла она, словно мне в его отсутствие требовалось утешение.

Я прикинул, о чем они могли разговаривать. Пайл был сама откровенность, он донимал меня своими лекциями о Дальнем Востоке, с которым был знаком столько же месяцев, сколько я – лет. Другой его темой являлась демократия: у него были четкие и раздражающие представления о том, что делают Соединенные Штаты ради остального мира. Зато Фуонг была восхитительно невежественна; если бы в разговоре упомянули Гитлера, она бы спросила, кто это. Объяснить ей это было бы тем более трудно, что Фуонг никогда не встречала ни немцев, ни поляков и имела самое смутное представление о европейской географии, хотя о принцессе Маргарет знала, понятное дело, больше, чем я. Я услышал, как она ставит поднос на край кровати.

– Он все еще тебя любит, Фуонг?

Вьетнамка у вас в постели сродни пташке: так же щебечет и заливается на вашей подушке. В свое время я думал, что ни одно пернатое не сравнится голосом с Фуонг. Я вытянул руку и дотронулся до ее локтя. Косточки у нее тоже были хрупкие, как у птички.

– Любит, Фуонг?

Она рассмеялась, я услышал, как она чиркает спичкой.

– Любит?

Возможно, это было одно из непонятных для нее слов.

– Сделать тебе трубку? – предложила она.

Когда я открыл глаза, Фуонг зажгла лампу. В свете лампы ее кожа напоминала цветом темный янтарь; она наклонилась над пламенем и сосредоточенно морщила лоб, грея опиумную пасту и вращая иглу.

– Пайл по-прежнему не курит? – спросил я.

– Нет.

– Ты бы его заставила, а то он не вернется.

У них было суеверие, что любовник, курящий опиум, обязательно вернется, даже из Франции. Пусть опиум влияет на мужскую силу, они всегда предпочтут верного любовника могучему. Сейчас Фуонг разминала шарик горячей пасты на отогнутой кромке чаши, и я вдыхал запах опиума. Другого такого запаха нет. Часы-будильник у моей кровати показывали 0.20, но я уже расслабился. Лампа осветила лицо Фуонг, когда она протянула мне длинную трубку, наклонившись над ней с серьезной сосредоточенностью, как над ребенком. Я был привязан к своей трубке: более двух футов прямого бамбука, с обоих концов слоновая кость. В двух третях длины трубки от меня находилась чаша, этакий повернутый кверху цветок вьюнка с отполированной и потемневшей от частого разминания опиума отогнутой кромкой. Легким движением она погрузила иглу в крохотное отверстие, извлекла опиум и расположила чашу над огнем, поддерживая для

меня трубку. Бусина опиума тихонько пузырилась, а я вдыхал.

Опытный курильщик выкуривает целую трубку в один присест, мне же всегда требовалось несколько затяжек. Потом я откинулся затылком на кожаную подушечку, а она стала готовить вторую трубку.

– Пойми, это же ясно, как день, – произнес я. – Пайл знает, что перед сном я выкуриваю несколько трубок, и не хочет меня беспокоить. Утром он будет здесь.

Игла опять вошла внутрь, и я закурил вторую трубку. Отложив ее, я продолжил:

– Тревожиться не о чем. Совершенно не о чем. – Я отхлебнул чаю и задержал руку у Фуонг под мышкой. – Когда ты ушла, у меня осталось по крайней мере это. На улице д’Ормэ есть хорошая курильня. Сколько хлопот устраиваем мы, европейцы, на пустом месте. Напрасно ты живешь с мужчиной, который не курит.

– Но он собирается жениться на мне, – возразила она. – Уже скоро.

– Тогда, конечно, другое дело.

– Сделать тебе еще одну трубку?

– Да.

Я гадал, согласится ли Фуонг спать со мной этой ночью, если Пайл так и не придет, хотя знал, что после четырех трубок сам ее не захочу. Приятно было бы, спору нет, чувствовать рядом в постели бедро Фуонг – она всегда спала на спине – и, проснувшись утром, начать день с трубки, а не в одиночестве.

– Пайл уже не придет, – сказал я. – Останься, Фуонг.

Она протянула мне готовую трубку и покачала головой. Когда я выкурю и эту, меня перестанет волновать, осталась Фуонг или ушла.

– Почему Пайл не пришел? – спросила она.

– Откуда мне знать?

– Он ездил к генералу Тхе?

– Понятия не имею.

– Пайл сказал мне, что если не сможет поужинать с тобой, то не придет.

– Не переживай. Он придет. Сделай мне еще трубочку. – Когда она склонилась над пламенем, я вспомнил стихотворение Бодлера:

«Голубка моя…

Умчимся в края,

Где все, как и ты, совершенство…

Взгляни на канал,

Где флот задремал…»

Я подумал, что если понюхать ее кожу, то у нее будет легкий аромат опиума, а цветом она будет как вот тот огонек… Я любовался, как распускаются цветы с платья, она была бесхитростна, как травинка, и мне очень не хотелось домой, в Англию.

– Жаль, что я не Пайл, – сказал я, но боль была ограниченной и терпимой – хвала опиуму. В дверь постучали.

– Это Пайл! – воскликнула Фуонг.

– Нет, он стучит не так.

Стук повторился, теперь нетерпеливо. Она вскочила, толкнув желтое деревце, и оно опять осыпало мою пишущую машинку своими лепестками. Дверь открылась.

– Мсье Фаулер! – раздался властный голос.

– Я Фаулер, – отозвался я, не собираясь вставать ради полицейского. Шорты цвета хаки мне были видны, даже если не поднимать головы.

Он объяснил на еле понятном вьетнамском французском, что мне надлежит немедленно – сразу, быстро! – явиться в Сюрте[4 - Полиция безопасности (фр.).].

– Какая Сюрте – французская, вьетнамская?

– Французская. – У него прозвучало «франсунг».

– Зачем?

Этого он не знал: приказ был меня доставить.

– Toi aussi[5 - Ты тоже (фр.).].

– Обращайтесь к даме на «вы», – сказал я. – Как вы узнали, что она здесь?

Он повторил, что у него приказ.

– Я приду утром.

– Нет, сейчас.

Спорить с этим мелким упрямцем было бесполезно. Я встал, надел галстук и обулся. За полицией здесь оставалось последнее слово: она могла лишить меня пропуска, перестать пускать на пресс-конференции, даже отказать мне при желании в праве выезда. И это еще меры в рамках закона, хотя в воюющей стране законность была не на высоте. Я знал человека, внезапно, необъяснимым образом лишившегося своего повара. Он добрался по его следам до вьетнамской Сюрте, но там его заверили, что повара допросили и отпустили. Родные больше его не видели. То ли он сбежал к коммунистам, то ли вступил в одну из частных армий, кишевших вокруг Сайгона, – хоа-хао, Каодай, генерала Тхе, то ли угодил во французскую тюрьму. Возможно, преспокойно зарабатывал на девочках в Чолоне – китайском пригороде. Или сердце не выдержало на допросе.

– Пешком не пойду, – предупредил я. – Оплатите мне рикшу. – Надо же как-то поддерживать свое достоинство.

По той же причине я отказался от сигареты, предложенной французским офицером в Сюрте. После трех трубок у меня в голове было кристально ясно, мозг мог легко принимать решения, не упуская из виду главный вопрос – чего им от меня надо? Мне случалось несколько раз встречать Виго в гостях – я обратил на него внимание, потому что он выглядел нелепо влюбленным в собственную жену – игнорировавшую его, вульгарную ненатуральную блондинку. Сейчас, в два часа ночи, Виго сидел, усталый и унылый, в сигаретном дыму, в гнетущей жаре, в зеленых очках на носу и с открытым томиком Паскаля на столе, позволявшим скоротать время. Когда я запретил допрашивать Фуонг без меня, он сразу сдал назад со вздохом, в котором слышалась усталость не то от Сайгона, не то от жары, не то от всего человечества.

– Простите, что пришлось попросить вас прийти, – сказал он по-английски.

– Это была не просьба, а приказ.

– Ох уж эти местные полицейские – они не понимают… – Виго не отрывал взгляда от «Мыслей», словно был пленен этой невеселой логикой. – Я хотел задать вам пару вопросов – о Пайле.

– Спросили бы его самого.

Он повернулся к Фуонг и резко спросил ее по-французски:

– Давно вы живете с мсье Пайлом?

– Месяц…

– Сколько он вам платит?

– У вас нет права спрашивать ее об этом, – заявил я. – Она не продается.

– Раньше она жила с вами, да? – спросил он так же резко. – Два года?

– Я – корреспондент, мне положено писать о вашей войне, когда вы позволяете. Не хватало снабжать материалами вашу бульварную газетенку!

– Что вам известно о Пайле? Пожалуйста, отвечайте на мои вопросы, мсье Фаулер. Я не хочу допрашивать вас, но все серьезно. Поверьте, очень серьезно.

– Я не осведомитель. Все, что я могу сказать вам о Пайле, вы и так знаете. Возраст – тридцать два года, сотрудник миссии экономической помощи, гражданство – американец.

– Послушать вас, вы его друг, – произнес Виго, глядя мимо меня, на Фуонг.

Вошел местный полицейский с тремя чашками черного кофе.

– Или вам чаю? – спросил Виго.

– Да, мы с ним друзья, – подтвердил я. – Почему нет? Ведь я рано или поздно уеду домой. Взять ее с собой не могу. С ним ей будет хорошо. Это разумное решение. Он обещает жениться на ней. Может, знаете ли. По-своему Пайл славный малый. Серьезный. Не то что эти крикливые болваны в «Континентале». Тихий американец. – Точное определение, не поспоришь, все равно что «синяя ящерица» или «белый слон».

– Да, – кивнул Виго. Казалось, он ищет перед собой на столе подсказку, как передать желаемый смысл так же четко, как сделал я. – Очень тихий американец.

Сидя в своем жарком кабинетике, Виго ждал, пока кто-нибудь из нас заговорит. Раздался атакующий писк комара. Я покосился на Фуонг. От опиума начинаешь быстрее соображать – наверное, он успокаивает нервы и подавляет эмоции. Ничто уже не кажется важным, даже смерть. Я подумал, что Фуонг не уловила в его тоне меланхолической окончательности, да и английский у нее был неважный. Сидя на твердом полицейском табурете, она продолжала терпеливо ждать Пайла. Я в тот момент ждать перестал и увидел, что то и другое не прошло мимо внимания Виго.

– Как вы с ним познакомились? – обратился он ко мне.

Зачем мне объяснять ему, что это Пайл познакомился со мной? Это было в прошлом сентябре, он направлялся через площадь к бару «Континенталя»; безошибочно юное, неопытное лицо летело в нас, как дротик. С этими его длинными худыми ногами, стрижкой «ежиком» и приветливым, вынесенным из университетского кампуса взглядом, Пайл казался безобиднейшим существом. Почти все столики на улице были заняты.

– Не возражаете? – обратился он ко мне вежливо и серьезно. – Меня зовут Пайл. Я здесь новенький. – Пайл сел на табурет и заказал пиво. Потом резко вскинул голову и уставился в безоблачное полуденное небо. – Это что – граната? – спросил он возбужденно и с надеждой.

– Скорее выхлопная труба, – ответил я и тут же раскаялся, что разочаровал его.

Мы быстро забываем собственную молодость: в свое время я тоже проявлял интерес к тому, что за неимением лучшего термина именуют новостями. Но на мне тема гранат выдохлась; теперь ей отводилось место лишь на последней странице местной газеты: столько-то взорвалось прошлой ночью в Сайгоне, столько-то в Чолоне; в европейскую прессу взрывы гранат никогда не попадали. По улице скользили милые плоские фигурки: белые шелковые шаровары, длинные узкие блузы в розовых и лиловых тонах с высоким разрезом на бедре. Я провожал их взглядом с той ностальгией, которую непременно буду испытывать, когда навсегда покину эти края.

– Они – прелесть, правда? – произнес я, отхлебывая пиво.

Пайл мельком взглянул на спины, удалявшиеся по улице Катина.

– Правда, конечно, – ответил он безразлично – серьезный малый! – Посланник очень озабочен этими гранатами. Боится, как бы не случилось несчастья – с кем-нибудь из нас.

– С кем-нибудь из вас? Да, полагаю, это было бы серьезно. Конгрессу такое не понравилось бы.

Зачем нас тянет дразнить простодушных? Наверное, еще дней десять назад Виго пересекал в Бостоне университетскую лужайку с большой стопкой книг – полезного чтения о Дальнем Востоке и проблемах Китая. Он меня даже не

слышал, настолько глубоко погрузился в дилемму демократии и ответственности Запада. Был полон решимости – скоро я в этом убедился – нести добро, и не кому-то в отдельности, а стране, континенту, всему миру. Теперь он угодил в свою стихию, к его услугам была вся вселенная – улучшай сколько влезет.

– Он в морге? – спросил я.

– Как вы узнали, что он мертв? – Это был глупый вопрос для полицейского, недостойный читателя Паскаля, а также мужчины, любившего, как ни странно, свою жену. Нельзя любить, не имея интуиции.

– Я не виноват, – сказал я.

Я убеждал себя, что это правда. Разве Пайл не всегда поступал по-своему? Я искал в себе какое-нибудь чувство, хотя бы возмущение полицейским подозрением, но ничего не находил. Ответственность нес один Пайл, больше никто. «Не лучше ли всем нам умереть?» – рассуждал внутри у меня опиум. Сам я осторожно покосился на Фуонг: для нее это могло стать ударом. Наверное, она его по-своему любила: разве Фуонг не была привязана ко мне – и разве не ушла от меня к Пайлу? Привязалась к молодости, надежде, серьезности, а теперь все это подвело ее еще больше, чем возраст и отчаяние. Она смотрела на нас обоих и, по-моему, пока ничего не понимала. Вероятно, было бы лучше, если бы я смог ее увести, прежде чем она что-либо сообразит. Я был готов ответить на любые вопросы, лишь бы добиться скорого и неопределенного завершения беседы, чтобы позднее объяснить ей все с глазу на глаз, подальше от взора полицейского, от жестких табуретов и от голой лампочки, вокруг которой вились мошки, все ей выложить.

– Какой отрезок времени вас интересует? – спросил я Виго.

– Между шестью и десятью часами.

– В шесть я зашел промочить горло в «Континенталь». Официанты меня вспомнят. В шесть сорок пять я отправился на набережную смотреть, как разгружают американские самолеты. В дверях «Мажестик» я видел Уилкинса из «Ассошиэйтед ньюс». Потом я находился в кино поблизости. Там тоже должны помнить – в кассе искали для меня сдачу. Оттуда я поехал на рикше в «Старую

мельницу», был там примерно в восемь тридцать и поужинал в одиночестве. Там был Грэнджер – можете спросить у него. Примерно без четверти десять я вернулся на рикше домой. Рикшу вы тоже сможете отыскать. К десяти я ждал Пайла, однако он не приехал.

– Почему вы его ждали?

– Он позвонил. Сказал, что у него ко мне важное дело.

– Вам известно, что это за дело?

– Нет. Для Пайла все дела были важными.

– А эта его девушка – вы знаете, где находилась она?

– В полночь ждала его перед домом. Она была встревожена. Она ничего не знает. Сами, что ли, не видите, что она по-прежнему его ждет?

– Вижу, – кивнул он.

– Не можете же вы считать, что это я убил Пайла из ревности или она – чего ради? Он собирался жениться на ней.

– Да.

– Где вы его нашли?

– В воде, под мостом Да-Као.

Ресторан «Старая мельница» располагался рядом с этим мостом через канал. Мост охраняла вооруженная полиция, ресторан защищала от гранат железная решетка. Ночью пользоваться мостом было опасно, потому что весь противоположный берег реки после наступления темноты переходил в руки Вьетминя. Похоже, я ужинал не далее полусотни ярдов от трупа Пайла.

– Парню не повезло, – произнес я. – Его с кем-то спутали.

– Если откровенно, – сказал Виго, – то я по нему не скорблю. От него было много вреда.

– Упаси нас, Боже, от невинных и от праведников.

– От праведников?

– Да. Пайл был своего рода праведником. Вы – католик, вам его не понять. Он же был для вас проклятым янки.

– Вы не против опознать его? Прошу меня простить. Таков порядок, пусть не слишком приятный.

Я не стал интересоваться, почему Виго не хочет подождать кого-нибудь из американского представительства, потому что знал причину. По сравнению с нашими холодными стандартами методы французов немного старомодны: они верят в совесть, в чувство вины, преступника полагается ткнуть носом в преступление – вдруг сломается и выдаст себя? Я еще раз напомнил себе, что невиновен, спускаясь следом за Виго по каменным ступенькам в подвал, где гудела холодильная установка.

Его выдвинули, как поддон с кубиками льда, и я бросил на него взгляд. Замерзшие раны выглядели безмятежно.

– Как видите, они не вскрываются в моем присутствии.

– Comment?[6 - Что? (фр.)]

– Разве не в этом ваша цель? Разве я не на суде инквизиции? Правда, вы слишком сильно заморозили его. В Средние века не применяли глубокой заморозки.

– Вы его узнаете?

– О да.

Он выглядел неуместнее, чем когда-либо: ему следовало бы сидеть дома. Легко было представить Пайла в семейном фотоальбоме, в седле на ранчо для отдыхающих, в волнах на Лонг-Айленде, фотографирующимся с коллегами в квартире на 23-м этаже. Его место было в небоскребе, в скоростном лифте, с мороженым и с сухим мартини, на худой конец с куриным сэндвичем в пригородном поезде.

– Смерть наступила не из-за этого, – сообщил Виго, указывая на рану в груди. – Его утопили в иле. Мы нашли ил у него в легких.

– Быстро вы работаете.

– В этом климате иначе нельзя.

Поддон задвинули обратно, дверца с резиновой прокладкой захлопнулась.

– Вам совершенно нечем нам помочь? – спросил Виго.

– Нет.

Возвращаясь к себе домой вместе с Фуонг, я больше не заботился о своем достоинстве. Смерть отменяет любую суету – даже суету рогоносца, который не должен показывать свою боль. Фуонг все еще не знала, что произошло, а я не представлял, как донести до нее правду медленно и аккуратно. Я был корреспондентом и мыслил заголовками: «В Сайгоне убит сотрудник американского представительства!» Работа в газете не учит проявлять щепетильность при сообщении плохих новостей; даже сейчас я был вынужден думать о своей газете, поэтому попросил у Фуонг разрешения заглянуть на телеграф. Оставив ее на улице, я отправил телеграмму и вернулся. Это была формальность: я не сомневался, что французские корреспонденты уже в курсе дела. Если Виго играл по правилам (существовала и такая возможность), то цензоры задержали бы мою телеграмму, пока французы не отошлют свои. Моя газета пометит новость как поступившую из Парижа. Но Пайл не являлся важной птицей. Не стану же я передавать такую, к примеру, подробность его подлинной карьеры, что, прежде чем умереть, он сам послужил причиной не менее полусотни смертей. Это навредило бы англо-американским отношениям и сильно огорчило бы американского посланника. Тот очень уважал Пайла – Пайл отлично защитил диплом на одну из популярных у американцев дипломных тем: может,

по связям с общественностью, или по театроведению, или даже по дальневосточным исследованиям (он прочитал множество книг).

– Где Пайл? – спросила Фуонг. – Чего они хотели?

– Идем домой, – сказал я.

– Пайл придет?

– Да – либо туда, либо куда-нибудь еще.

Старухи по-прежнему сплетничали на лестничной площадке, в относительном холодке. Отперев дверь, я определил, что комнату обыскали: все выглядело аккуратнее, чем раньше.

– Еще трубку? – предложила Фуонг.

– Да.

Я снял галстук и разулся; интерлюдия закончилась; ночь осталась почти что той же. Фуонг, сгорбившись около кровати, зажгла лампу. «Мое дитя, моя сестра…» Кожа цвета янтаря. Ее певучий родной язык.

– Фуонг! – позвал я. Она разминала опиум на кромке чаши. – Il est mort[7 - Он мертв (фр.).].

Она замерла с иглой в руке, глядя на меня и хмурясь, как ребенок, пытающийся сосредоточиться.

– Tu dis?[8 - Что ты сказал? (фр.).]

– Pyle est mort. Assassine[9 - Пайл мертв. Убит (фр.).].

Фуонг положила иглу и, стоя на коленях, уставилась на меня. Сцены не произошло, слезы не пролились, была только ее мысль – долгая сокровенная мысль человека, вынужденного полностью пересмотреть свою жизнь.

– Этой ночью тебе лучше остаться здесь, – произнес я.

Фуонг кивнула, опять взяла иглу и стала греть опиум. Этой ночью, очнувшись после короткого, но глубокого опиумного сна – десяти минут, после которых чувствуешь себя свежим, словно проспал целую ночь, я застал свою руку там, где она всегда раньше ночевала, – у нее между ног. Фуонг спала, я едва различал ее дыхание. Снова, через много месяцев, я был не один, и все же вдруг подумал со злостью, вспоминая полицейский участок и Виго в зеленых очках, тихие пустые коридоры представительства и чувствуя гладкую безволосую кожу под своей ладонью: «Неужели Пайл был небезразличен мне одному?»

2

I

Тем утром, когда на площади перед «Континенталем» появился Пайл, я вдоволь навидался своих коллег – американских журналистов, здоровенных, шумных, молокососов и умудренных опытом, полных едкой критики в адрес французов, которые в конечном счете вели эту войну. Когда очередная вспышка боевых действий аккуратно иссякала и пострадавших в ней убирали с глаз долой, их вызывали в Ханой, где после четырех часов перелета к ним обращался командующий. Потом они ночевали в лагере прессы, где якобы священнодействовал лучший в Индокитае бармен, облетали поле боя на высоте 3000 футов (предел дальнобойности тяжелого пулемета) и благополучно, как шумные школьники-экскурсанты, возвращались восвояси, в сайгонский отель «Континенталь».

Пайл был, наоборот, тихим, скромным. В тот первый день мне даже приходилось наклоняться к нему, чтобы понять, о чем он говорит. Несколько раз Пайл вбирал голову в плечи, слыша, как шумят американские журналисты на верхней террасе – туда, как считалось, было труднее забросить ручную гранату. Но он никого не критиковал.

– Вы читали Йорка Хардинга? – спросил Пайл.

– Нет, не припомню. О чем он пишет?

Глядя на молочный бар через улицу, Пайл мечтательно произнес:

– Похоже на прилавок с газировкой…

Я гадал, какая глубина тоски по дому скрывается за этим странным выбором объекта для наблюдения в столь чуждой обстановке. Но не я ли сам, впервые гуляя по улице Катина, заметил парфюмерную лавку с духами «Герлен» и утешился мыслью, что до Европы отсюда всего-то тридцать часов лету? Он нехотя отвернулся от молочного бара и сказал:

– Йорк написал книгу «Наступление Красного Китая». Очень глубокая книга.

– Не читал. Вы с ним знакомы?

Пайл важно кивнул и замолчал. Правда, совсем скоро снова заговорил, чтобы исправить произведенное впечатление:

– Я не очень хорошо его знаю. Так, раза два встречались.

Вот это мне в нем понравилось – нежелание хвастаться знакомством с – как бишь его? – Йорком Хардингом. Позднее выяснилось, что он бесконечно уважает писателей, которых называет серьезными. К ним не относились романисты, поэты и драматурги, если они не писали на современные темы, но даже и тогда лучше было читать обо всем у Йорка.

– Знаете, когда долго живешь в каком-то месте, то перестаешь о нем читать, – заметил я.

– Мне всегда интересно узнать, что думает человек, присутствующий на месте событий, – сдержанно ответил Пайл.

– Потом вы сверяете впечатления с Йорком?

– Да. – Видимо, он уловил иронию, потому что добавил со своей обычной вежливостью: – Я был бы польщен, если бы вы нашли время просветить меня по

главным вопросам. Йорк побывал здесь более двух лет назад.

Мне понравилась его лояльность Хардингу – кем бы тот ни был. Это было как свежий ветерок по сравнению со злословием газетчиков, с их скороспелым цинизмом. Я сказал:

– Закажите еще бутылочку пива, и я попробую растолковать вам, что к чему.

Пайл уставился на меня, как примерный ученик, а я начал с объяснения ситуации на Севере, в Тонкине, где французы в те дни удерживали дельту Красной реки вместе с Ханоем и Хайфоном, единственным северным портом. Там выращивался прочти весь рис, и каждый год, стоило ему созреть, разгоралась битва за урожай.

– Таков Север, – говорил я. – Французы могут устоять, бедняги, если на помощь Вьетминю не придут китайцы. Война идет в джунглях, в горах и в болотах, на рисовых чеках, где воды по шею и где противник попросту исчезает, зарывает оружие, переодевается в крестьянскую одежду. Зато в Ханое можно с комфортом напиваться и загнивать. Там не кидают бомбы; бог знает почему. Можно назвать это конвенциальной войной.

– А здесь, на Юге?

– Французы удерживают главные дороги до семи часов вечера. После этого у них остаются наблюдательные вышки и города – частично. Это не значит, что вы в безопасности и перед ресторанами не будет железных решеток.

Сколько мне уже приходилось все это объяснять! Я превратился в пластинку, которую всегда заводили новичкам: заезжему члену парламента, новому британскому посланнику. Мне случалось просыпаться среди ночи и бормотать: «Или возьмите каодаистов…» Мне снились хоа-хао, Бинь Суен и прочие частные армии, продававшие свои услуги за деньги или за право мстить. Чужаки считали их живописными, хотя ни в измене, ни в подозрении нет ничего живописного.

– Дальше – генерал Тхе, – продолжил я. – Он был в Каодай начальником штаба, а теперь ушел в горы и воюет со всеми – и с французами, и с коммунистами…

– Йорк, – заметил Пайл, – пишет, что Востоку нужна «третья сила».

Мне бы сразу заметить этот фанатический огонек, готовность быстро откликаться на фразу, на магию цифр: пятая колонна, третья сила, седьмой день… Я бы избавил от множества бед всех нас, даже самого Пайла, если бы еще тогда смекнул, куда направлен его неутомимый ум. Но я предоставил ему блуждать в одиночестве, а сам предпринял свою ежедневную прогулку вдоль улицы Катина. Пусть самостоятельно наматывает премудрость на ус, впитывая суть, как привычный запах: рисовые поля, золотящиеся под плоским клонящимся к закату солнцем; хрупкие силуэты рыбацких лодок, парящие над полями, как комары; чашечки чая на помосте старика монаха, его постель, календарики, ведерки, битую посуду, мусор, прибитый к его креслу волнами жизни; шляпы-ракушки на головах девушек, чинящих дорогу после взрыва мины; золото, свежую зелень, яркие краски южных нарядов, темно-бурые и черные одеяния Севера, круг враждебных гор, гудение самолетов. Попав сюда, я сначала считал дни до отъезда. Думал, что привязан к остаткам площади в Блумсбери, к автобусу № 73, проезжающему мимо галереи вокзала Юстон-сквер, к пабу на Торрингтон-плейс по весне. Но цветы в парке на площади завяли, а мне было безразлично. Теперь день для меня был отмечен короткими звуками – то ли выхлопами, то ли взрывами гранат, мне не хотелось терять из виду фигурки в шелковых шароварах, грациозно скользившие через влажный полдень, мне была нужна Фуонг, и мой дом переехал на восемь тысяч миль.

Я свернул у резиденции Верховного комиссара, охраняемой караулом Иностранного легиона в белых кепи и с алыми эполетами, перешел улицу перед кафедральным собором и зашагал назад вдоль устрашающей стены вьетнамской Сюрте, провонявшей мочой и произволом. Но и это было для меня частью дома – вроде темных коридоров на верхних этажах, куда не суешься в детстве. В книжных лавчонках у набережной продавались новые непристойные журнальчики «Tabu» и «Illusion», на тротуаре потягивали пиво моряки – лакомая мишень для бомбиста-любителя. Я думал о Фуонг, выторговывавшей скидку на рыбу в третьем проулке слева, прежде чем пойти перекусить в молочный бар (в те дни я знал каждый ее шаг), и Пайл легко и непринужденно покинул мои мысли. Я даже не упомянул о нем Фуонг, когда мы с ней сели обедать в нашей комнате на улице Катина. На ней было ее лучшее цветастое платье, потому что исполнялось ровно два года нашему с ней знакомству в «Гран-Монд» в Чолоне.

II

Ни она, ни я не обмолвились о нем, проснувшись утром после его смерти. Фуонг встала раньше меня и уже приготовила чай. К мертвецам не ревнуют, и в то утро мне показалось, что можно с легкостью вернуться к нашей прежней жизни вместе.

– Ты останешься сегодня? – спросил я у Фуонг за круассанами как бы мимоходом.

– Мне придется сходить за коробкой.

– Там может быть полиция, – предупредил я. – Лучше я пойду с тобой. – Это стало у нас наибольшим приближением к Пайлу в тот день.

У Пайла была квартира в новой вилле близ улицы Дюрантон, одной из главных артерий, которые французы непрерывно кроили в честь своих полководцев, так что улица Де Голля после третьего перекрестка превращалась в улицу Леклерка, отрезку которой рано или поздно суждено было стать улицей Делатра. Похоже, ожидался прилет из Европы какого-то важного лица, потому что вдоль дороги, ведущей к резиденции Верховного комиссара, через каждые двадцать ярдов были расставлены лицом к тротуару полицейские.

На гравийной дорожке перед домом Пайла стояло несколько мотоциклов, вьетнамский полицейский проверил мое журналистское удостоверение. Он отказался впускать в дом Фуонг, и я пошел искать офицера-француза. В ванной Пайла Виго мыл руки мылом Пайла, потом он вытер руки его полотенцем. На рукаве тропического костюма темнело масляное пятно – не иначе, от масла Пайла.

– Что-нибудь новенькое? – осведомился я.

– Мы нашли в гараже его машину. Бензобак пустой. Наверное, вчера он уехал на рикше или на чужой машине. Или бензин выкачали.

– Вдруг он ушел пешком? Вы же знаете этих американцев.

– Вашу машину сожгли? – задумчиво продолжил он. – Вы еще не приобрели новую?

– Нет.

– Это не очень важно.

– Вот именно.

– У вас есть догадки?

– Есть, и много, – кивнул я.

– Поделитесь?

– Ну, его мог убить Вьетминь. Они постоянно кого-нибудь убивают в Сайгоне. Его тело нашли в канале у моста Да-Као, а там ночью, после ухода вашей полиции, территория Вьетминя. Еще его могла убить вьетнамская Сюрте – такое тоже случается. Им могли не понравиться его друзья. Или Каодай, за его знакомство с генералом Тхе.

– А он был с ним знаком?

– Говорят, был. Генерал Тхе тоже мог его убрать – за знакомство с каодаистами. Может, его убили хоа-хао за заигрывание с сожительницами генерала. Или просто кто-то, позарившийся на его деньги.

– Еще вероятна банальная ревность, – произнес Виго.

– А то и французская Сюрте, – продолжил я, – потому что им не нравились его связи. Вы действительно ищете убийц?

– Нет, – ответил Виго, – я составляю рапорт, только и всего. Это ведь произошло на войне, а на войне каждый год гибнут тысячи людей.

– Меня вы можете исключить, – сказал я. – Я ни при чем. Ни при чем, – повторил я.

Это был мой символ веры. Раз уж таково состояние человечества, то пусть воюют, пусть любят, убивают – мое дело сторона. Мои собратья журналисты называли себя корреспондентами, а я предпочитал называться репортером. Я описывал то, что видел. Я не действовал – даже мнение сродни действию.

– Что вы здесь делаете?

– Я пришел за вещами Фуонг. Ваша полиция не впускает ее.

– Что ж, пойдемте найдем их.

– Мило с вашей стороны, Виго.

У Пайла было две комнаты, кухня и ванная. Мы прошли в спальню. Я знал, где искать коробку Фуонг – под кроватью. Мы вытащили ее вдвоем, там лежали книжки с картинками. Я забрал из гардероба скудную сменную одежду, два хороших платья, вторые шаровары. Было ощущение, что все это провисело здесь считаные часы и осталось для этого места чужим, как залетевшая в комнату бабочка. Я достал из комода ее маленькие треугольные culottes[10 - Трусики (фр.).] и набор шарфов. Для большой коробки набиралось совсем немного вещей, словно Фуонг была здесь гостьей, заглянувшей на выходные.

В гостиной осталась их совместная фотография с Пайлом. Они сфотографировались в ботаническом саду, рядом с большим каменным драконом. Фуонг держала на поводке собаку Пайла, черную чау-чау с черным языком. Слишком черная собака. Я положил фотографию в коробку.

– Что с собакой? – спросил я.

– Ее тут нет. Наверное, он забрал ее с собой.

– Вдруг она вернется, и вы сумеете исследовать землю у нее на лапах?

– Я не Лекок, даже не Мегрэ, и сейчас война.

Я подошел к книжному шкафу и рассмотрел два ряда книг – библиотеку Пайла. «Наступление Красного Китая», «Вызов демократии», «Роль Запада» – наверное,

полное собрание Йорка Хардинга. Тут было много «Докладов конгресса», вьетнамский разговорник, история войны на Филиппинах, собрание Шекспира. Что он читал для отдыха? На другой полке стояло его легкое чтиво: карманный Томас Вулф, загадочная антология «Триумф жизни» и сборник американской поэзии. Еще здесь была книжка шахматных задач. Немного для конца рабочего дня, но, с другой стороны, у него была Фуонг. За антологию была засунута «Психология брака» в бумажном переплете. Вероятно, секс Пайл изучал так же, как Восток, – на бумаге. Ключевым являлось слово «брак». Пайл был поборником вовлеченности.

Его письменный стол был совершенно пуст.

– Чисто же вы убрались, – заметил я.

– Мне пришлось заняться этим по просьбе американского представительства. Сами знаете, как быстро распространяются слухи. Мы постарались, чтобы ничего не пропало. Я приказал опечатать все его бумаги. – Он сказал это серьезно, без тени улыбки.

– Там было что-то вредное?

– Мы не можем допустить, чтобы нашлось что-либо вредное для нашего союзника, – произнес Виго.

– Не возражаете, если я возьму одну из этих книжек – на память?

– Я отвернусь.

Я выбрал «Роль Запада» Йорка Хардинга и положил ее в коробку, к вещам Фуонг.

– Вам нечего мне сказать с глазу на глаз, по-дружески? – спросил Виго. – Мой рапорт готов. Его убили коммунисты. Возможно, это начало кампании против американской помощи. Но если строго между нами… Послушайте, всухую такое не пойдет, как насчет вермута с ликером?

– Рановато.

– Он ничем с вами не делился в вашу последнюю встречу?

– Нет.

– Когда это было?

– Вчера утром. После взрыва.

Виго помедлил, чтобы мой ответ усвоился – у меня в голове, не у него: он спрашивал без задней мысли.

– Вчера вечером, когда он к вам заходил, вас не было дома?

– Вчера вечером? Я не думал…

– Вдруг вы запросите выездную визу? Сами знаете, мы можем бесконечно тянуть с ее выдачей.

– Вы считаете, что я хочу домой? – спросил я.

Виго посмотрел в окно на яркое безоблачное небо и грустно промолвил:

– Большинство хочет.

– Мне нравится здесь. Дома… там проблемы.

– Merde[11 - Дерьмо (фр.).], – сказал Виго. – Пожаловал американский экономический атташе. – Виго повторил с сарказмом: – Экономический атташе!

– Тогда я сматываюсь. Если и он в меня вцепится…

– Желаю успеха, – устало напутствовал он. – Сейчас он меня заговорит.

Когда я вышел, экономический атташе стоял рядом со своим «Паккардом» и что-то втолковывал водителю. Это был полный господин средних лет с тяжелым задом и с лицом, никогда, видимо, не нуждавшимся в бритве.

– Фаулер! – окликнул он. – Может, хоть вы объясните этому проклятому водителю…

Я объяснил.

– Так и я внушал ему то же самое! Вечно он притворяется, будто не понимает по-французски.

– Наверное, дело в вашем акценте.

– Я три года жил в Париже. Будут еще эти чертовы вьетнамцы фыркать на мой акцент!

– Голос демократии, – заметил я.

– Это еще что?

– Кажется, книга Йорка Хардинга.

– Не пойму я вас. – Он с подозрением покосился на коробку у меня в руках. – Что у вас там?

– Две пары белых шелковых штанов, два шелковых платьица, женское бельишко – пары три. Все местного производства, никакой американской помощи.

– Вы были наверху?

– Да.

– Слышали новость?

– Да.

– Ужас. Просто ужас.

– Полагаю, посланник очень огорчен.

– Сейчас он у Верховного комиссара, потом его вызывает президент. – Он взял меня за рукав и отвел от машины. – Вы были хорошо знакомы с молодым Пайлом, да? Прямо не верится, что с ним такое случилось. Я знал его отца. Гарольд С. Пайл – слышали?

– Нет.

– Мировой авторитет по подводной эрозии. Видели обложку журнала «Тайм» в прошлом месяце?

– Что-то припоминаю… Разваливающаяся скала, на ее фоне очки в золотой оправе.

– Он самый! Мне пришлось отправлять телеграмму домой. Ужас! Я любил этого мальчика, как своего сына.

– Это превращает вас в близкого родственника его отца.

Он уставился на меня влажными карими глазами:

– Что это с вами? Разве такое говорят, когда прекрасный молодой человек…

– Извините, – произнес я. – Смерть действует по-разному. – Может, он и вправду любил Пайла. – Что вы написали в телеграмме?

Он процитировал с серьезным видом:

– «Со скорбью сообщаем, что ваш сын погиб смертью солдата во имя демократии». Подпись посланника.

– «Смертью солдата»… – повторил я. – Это не сбивает с толку? Я про его родных дома. Миссия экономической помощи и армия – разные вещи.

Он ответил тихо, напрягаясь от двусмысленности:

– У него были особые полномочия.

– О, мы догадывались.

– Он не проболтался?

– Нет-нет. – Я припомнил слова Виго. – Пайл был очень тихим американцем.

– У вас есть догадки, почему его убили? И кто?

Я вдруг рассердился: устал от всей этой публики с их частными складами «Кока-Колы», с передвижными госпиталями, широченными автомобилями и автоматическим оружием не самой последней марки.

– Да, – кивнул я. – Его убили потому, что он был слишком невинен, чтобы жить. Он был молод, невежественен и глуп, и он вмешался. Он не больше всех вас представлял, что творится, а вы дали ему денег и книги Йорка Хардинга про Восток и сказали: «Ступай. Добудь победу демократии на Востоке». Пайл не видел ничего сверх того, о чем слышал на лекциях, писатели и лекторы обвели его вокруг пальца. При виде трупа он не замечал ран. Красная угроза, солдат демократии.

– Я думал, вы были его другом.

– Я был его другом. Я бы с радостью увидел его читающим дома воскресные приложения и болеющим за бейсбол. Рад был бы, если бы Пайл благополучно встретил стандартную американскую девушку, подписчицу «Книжного клуба».

Он смущенно откашлялся:

– Ах да, – совсем запамятовал. Неприятная история… Я был на вашей стороне, Фаулер. Он поступил очень плохо. Если хотите знать, я долго беседовал с ним об этой девушке. Понимаете, я имел честь знать профессора и миссис Пайл.

Я сказал: «Виго ждет» – и ушел. Он только сейчас заметил Фуонг, и когда я оглянулся, он смотрел мне вслед с болезненным недоумением: вечный непонимающий брат.

3

I

Пайл познакомился с Фуонг в том же самом «Континентале» месяца через два после приезда. Был ранний вечер, та внезапная прохлада, что настает сразу после захода солнца, в лавочках, теснящихся в переулках, уже зажгли свечи. На столиках стучали кости – французы играли в «421», девушки в белых шелковых шароварах накручивали педали велосипедов, уезжая домой по улице Катина. Фуонг пила апельсиновый сок, я – пиво, мы сидели молча, радуясь тому, что мы вместе. Потом робко приблизился Пайл, и я представил его Фуонг. У него была манера вытаращить на девушку глаза, будто он прежде никогда не видел девушек, а потом залиться краской.

– Я тут подумал, – произнес Пайл, – не пересесть ли вам с вашей дамой ко мне за столик. Один из наших атташе…

Экономический, конечно, – он улыбался нам с верхней террасы теплой гостеприимной улыбкой, полной уверенности в себе, как у человека, удерживающего друзей правильным подбором дезодоранта. Я несколько раз слышал, как он откликался на «Джо», но фамилию выучить не удосужился. Он стал шумно выдвигать для нас стулья и звать официанта, хотя вся эта суета имела в «Континентале» ограниченный эффект: несколько сортов пива, бренди с содовой, вермут с черносмородиновым ликером.

– Не ожидал увидеть здесь вас, Фаулер, – сказал он. – Мы ждем наших ребят из Ханоя. Там, похоже, развернулось настоящее сражение. Вас с ними не было?

– Устал я летать по четыре часа на пресс-конференцию, – сознался я.

Он посмотрел на меня с неодобрением:

– Эти ребята молодцы. Они могли бы без всякого риска заколачивать вдвое больше в бизнесе или на радио.

– Так это работать надо, – возразил я.

– Они издалека чуют заваруху, – продолжил экономический атташе, не обращая внимания на неприятные речи. – Взять Билла Грэнджера: он всегда там, где пахнет жареным.

– Как вы правы! Видал я его однажды в баре отеля «Спортинг»…

– Вы же знаете, что я не об этом.

Два велорикши, устроившие соревнование на мостовой улицы Катина, дружно финишировали перед «Континенталем». На одном прибыл Грэнджер, второй доставил хрупкого седенького безмолвного незнакомца. Грэнджер поволок его по тротуару, приговаривая: «Не упирайся, Мик». Потом он заспорил с рикшей об оплате, крикнул: «Не хочешь – не бери!» и швырнул себе под ноги впятеро больше положенного, заставив рикшу ползать на коленях и подбирать деньги.

– Похоже, ребятам пора расслабиться, – нервно заметил экономический атташе.

Грэнджер свалил свою ношу на стул и увидел Фуонг.

– Ах ты, старый безобразник, Джо! Где ты ее взял? Не знал, что ты такой озорник. Виноват, должен отлить. Приглядите тут за Миком.

– Солдафонские манеры, – прокомментировал я.

Честный Пайл опять покраснел:

– Я бы вас не позвал, если бы знал…

Седой незнакомец завозился на стуле, голова упала на стол, словно не была прикреплена к плечам, издала долгий свистящий стон, полный бесконечной тоски, и застыла.

– Вы его знаете? – спросил я Пайла.

– Нет. Разве он не из журналистов?

– Я слышал, Билл называл его Миком, – подсказал экономический атташе.

– Кажется, Юнайтед Пресс прислало нового корреспондента…

– Это не он, того я знаю. Может, кто-то из вашей экономической миссии? Всех не упомнить, их же сотни…

– Вряд ли он из наших, – возразил экономический атташе. – Не припоминаю.

– Поищем его удостоверение? – предложил Пайл.

– Ради бога, не тормошите его, он и так еле жив. Подождем Грэнджера.

Но от того было мало проку. Он вернулся из туалета мрачнее тучи и угрюмо спросил:

– Кто наша дама?

– Мисс Фуонг – знакомая Фаулера, – церемонно сообщил Пайл. – Мы хотели бы знать, кто…

– Где он ее взял? В этом городе держи ухо востро. – И он мрачно добавил: – Хвала создателю за пенициллин.

– Билл, – подал голос экономический атташе, – мы хотим знать, кто такой Мик.

– Я тоже.

– Это ты его привез.

– Лягушатники валятся от скотча. Вот и этот вырубился.

– Он француз? Ты, кажется, звал его Миком.

– Надо же было как-то его называть, – объяснил Грэнджер и наклонился к Фуонг: – Эй, ты, еще апельсинового сока? Ты сегодня занята?

– Сегодня и ежедневно, – произнес я.

– Как там война, Билл? – поспешно вмешался экономический атташе.

– Великая победа к северо-западу от Ханоя. Французы отбили две деревни, об уходе из которых раньше не сообщали. У Вьетминя тяжелые потери. Своих потерь они еще не сосчитали, доложат через неделю-другую.

– Прошел слух, – сказал экономический атташе, – будто Вьетминь прорвался в Фат-Дьем, сжег собор и прогнал епископа.

– О таком в Ханое не расскажут. Это не победа.

– Одна из наших медицинских бригад не прошла дальше Намдиня, – проговорил Пайл.

– Ты так далеко не забирался, Билл? – спросил экономический атташе.

– За кого ты меня принимаешь? Я корреспондент, у меня командировочное предписание, там указано, куда мне можно, куда нет. Я лечу в аэропорт Ханоя. Нам дают машину, она везет нас в лагерь прессы. Нам устраивают пролет над двумя отбитыми городишками и демонстрируют полощущийся триколор. С такой высоты не разглядеть, что там за флаг. Дальше – пресс-конференция: полковник втолковывает, что именно мы видели. Мы отбиваем телеграммы при участии цензора. Дальше – пьянка. Нас поит лучший в Индокитае бармен. Ну, и самолет обратно.

Пайл хмуро уставился в свою пивную кружку.

– Ты себя недооцениваешь, – заметил экономический атташе. – Взять тот очерк о дороге номер 66 – как ты его озаглавил? «Шоссе в ад»? Это готовая Пулитцеровская премия! Ты знаешь, о чем я: один человек стоит в канаве на коленях, с оторванной головой, другой бредет, как во сне…

– Думаешь, я выползал на ту вонючую дорогу? Стивен Крейн[12 - Американский поэт, прозаик и журналист.] был мастер описывать войну, не побывав на ней, чем я хуже? Чертова колониальная война, что с нее возьмешь? Дайте мне еще выпить! А потом поищем девочек. Ты нашел себе подружку, я тоже хочу.

– Думаете, в слухах про Фат-Дьем что-то есть? – обратился я к Пайлу.

– Не знаю. Это важно? Если да, я бы не прочь взглянуть.

– Важно для экономической миссии?

– Ну, зачем так категорично? Медицина – тоже род оружия, верно? Эти католики могли бы задать жару коммунистам, не так ли?

– Они торгуют с коммунистами. Епископ получает от коммунистов коров и бамбук для стройки. Я бы не назвал их «третьей силой» в духе Йорка Хардинга, – поддел я его.

– Хорош! – крикнул Грэнджер. – Чего торчать здесь весь вечер? Я еду в «Дом четырехсот девушек».

– Приглашаю вас и мисс Фуонг поужинать со мной… – начал Пайл.

– Можете поесть в «Шале», – перебил его Грэнджер, – пока я буду оприходовать девок за стенкой. Поехали, Джо, ты хотя бы мужчина.

Думаю, в тот момент, размышляя, что такое мужчина, я впервые испытал симпатию к Пайлу. Он сидел боком в Грэнджеру и крутил пивную кружку с выражением отстраненности на лице.

– Наверное, вы устали от всего этого базара? – обратился он к Фуонг. – От болтовни о вашей стране?

– Comment?

– Как ты поступишь с Миком? – спросил Грэнджера экономический атташе.

– Оставлю его тут.

– Так нельзя. Ты даже не знаешь его имени.

– Ну, так возьмем его с собой. Девочки о нем позаботятся.

Экономический атташе громко хохотнул, призывая в свидетели остальных. Он был похож на лицо в телевизоре.

– Вы, молодежь, поступайте, как хотите, а я для этих игр староват. Заберу-ка я его с собой домой. Говоришь, он француз?

– Лепетал по-французски.

– Загрузите его в мою машину.

Когда он уехал, Пайл нанял рикшу на пару с Грэнджером, мы с Фуонг сделали то же самое и покатили следом за ними в Чолон. Грэнджер хотел подсесть к Фуонг, но Пайл его отвадил. По пути в китайский пригород, на длинной дороге, нам встретился конвой французских бронемашин, с крыши каждой торчал в небо пулемет, охраняемый безмолвным офицером, неподвижной фигурой под опрокинутой чашей черного звездного неба. Опять неприятности с одной из частных армий – Бинь Суен, хозяевами «Гран-Монд» и игорных залов Чолона. Это был край баронов-бунтарей, вроде Европы в Средние века. Как сюда затесались американцы? Их страну еще не открыл Колумб.

– Нравится мне этот Пайл, – сказал я Фуонг.

– Он тихий, – откликнулась она, и это определение, которое она первой к нему применила, прилипло, как школьное прозвище. В конце концов его употребил Виго, когда рассказывал мне о смерти Пайла.

Я остановил рикшу перед «Шале» и сказал Фуонг:

– Пойди найди столик, а я поищу Пайла. – Мне хотелось защитить его. Было невдомек, что гораздо важнее подумать о собственной безопасности. Невинность всегда молча взывает о защите, хотя, как подсказывает опыт, впору

защищаться от нее самой: невинность смахивает на тупицу прокаженного, потерявшего колокольчик и без намерения навредить болтающегося по миру.

Когда я достиг «Дома четырехсот девушек», Пайл и Грэнджер уже скрылись внутри.

– Deux americains?[13 - Два американца? (фр.)] – обратился я к военному полицейскому, караулившему вход. Это был молодой капрал Иностранного легиона. Перестав чистить револьвер, он ткнул большим пальцем себе за плечо и непонятно пошутил по-немецки.

В огромном дворе под открытым небом был час отдыха. Сотни девушек валялись на траве или сидели на корточках, болтая друг с другом. В клетушках вокруг площади были раздвинуты занавески, в одной лежала на кровати навзничь, закинув ногу на ногу, усталая девица. В Чолоне было неспокойно, войска сидели по казармам, работа стояла: праздное воскресенье тела. Клубок дерущегося, царапающегося, вопящего женского пола указывал на местонахождение редкой клиентуры. Я вспомнил старую сайгонскую байку про знатного гостя этого заведения, лишившегося брюк во время рискованного побега в сторону полицейского поста, сулившего спасение. Здесь гражданское лицо не имело защиты. Забредший в военную зону должен был сам о себе позаботиться и спасаться самостоятельно.

У меня был свой метод: разделяй и властвуй. Выбрав одну девицу в собравшейся вокруг меня толпе, я медленно повлек ее туда, где вели отчаянный бой Пайл и Грэнджер.

– Je suis un vieux, trop fatigue[14 - Я старый, слишком устал (фр.).], – произнес я. – Она хихикнула и потянула меня за руку. – Mon ami. Il est tr?s riche, tr?s vigoureux[15 - Мой друг. Очень богатый (фр.).].

– Tu es sale[16 - Ты грязный (фр.).], – сказала она.

Я видел, как торжествует раскрасневшийся Грэнджер: наверное, он считал происходящее доказательством своей мужественности. Одна девушка взяла Пайла под руку и потащила из круга. Я толкнул к ним свою девушку и позвал его:

– Пайл, сюда!

Глядя на меня поверх голов, он простонал:

– Это ужасно, ужасно!

Возможно, виноват был обманчивый свет фонаря, но Пайл показался мне измученным, и я подумал, что он девственник.

– Идите сюда, Пайл. Отдайте им Грэнджера. – Я видел, как его рука ползет к брючному карману. Не иначе, он вздумал швырять в толпу пиастры и «зеленые». – Не дурите, Пайл! – крикнул я. – Они устроят драку. – «Моя» девушка повернулась ко мне спиной, так мне ловчее было втолкнуть ее в круг соперничающих за Грэнджера. – Non, non, je suis Anglais, pauvre, tr?s pauvre[17 - Нет-нет, я англичанин, бедный, очень бедный (фр.).].

Вцепившись Пайлу в рукав, я вытащил его из гущи тел. Девушка повисла на его руке, как рыба на крючке. Две-три другие попытались – правда, без особого рвения – перехватить нас, прежде чем мы проскользнем мимо капрала на посту.

– Что мне с ней делать? – спросил Пайл.

– Она неопасна.

В следующую секунду девушка выпустила его руку и присоединилась к подругам, дерущимся за Грэнджера.

– Он не пострадает?

– Он получил, что хотел: вон сколько подружек сразу!

Снаружи было спокойно, проехавшая мимо с ревом очередная бронеколонна была не в счет.

– Кошмар! – воскликнул Пайл. – Никогда бы не подумал… – И он добавил со смесью ужаса и грусти: – Такие хорошенькие…

Пайл не завидовал Грэнджеру, он сетовал, что добро – а миловидность и изящество проходили у него, бесспорно, по этой категории – замарано и посрамлено. Когда боль настырно лезла ему в глаза, Пайл умел ее замечать (я ничуть не злобствую: в конце концов, многие среди нас и на это не способны).

– Идемте в «Шале», – позвал я. – Фуонг ждет.

– Простите, я совсем забыл! Напрасно вы оставили ее одну.

– Ей ничего не угрожает.

– Я просто хотел проводить Грэнджера… – Пайл опять погрузился в свои мысли, но при входе в «Шале» произнес с непонятной грустью: – Я как-то запамятовал, сколько на свете мужчин, охочих до…

II

Фуонг заняла столик на краю танцевальной площадки, оркестр играл мелодию, популярную в Париже пятью годами раньше. Танцевали две вьетнамские пары – маленькие, аккуратные, надменные, настолько цивилизованные, что нам оставалось только завидовать им. Одну пару я узнал: бухгалтер из «Индокитайского банка» с женой. Видно было, что они никогда не допускают небрежности в одежде, неверного слова, нечистой страсти. Если война выглядела Средневековьем, то они были скорее будущим из восемнадцатого века. Мсье Фам Ван Ту вполне мог бы сочинять в свободное время классические тексты; и правда, он изучал Вордсворта и сам писал стихи о природе. Отпуск проводил в Далате – наиболее доступное ему приближение к атмосфере английских озер. Выполняя поворот, он слегка кланялся. Я пытался представить, как там, в пятидесяти ярдах отсюда, справляется Грэнджер.

Пайл на плохом французском попросил у Фуонг прощения за то, что заставил ее ждать.

– C’est impardonable[18 - Это непростительно (фр.).], – заявил он.

– Где вы были? – поинтересовалась она.

– Провожал Грэнджера домой, – соврал Пайл.

– Домой? – хмыкнул я, и он посмотрел на меня так, словно я был вторым Грэнджером.

Я вдруг увидел себя его глазами: немолодой мужчина с покрасневшими глазами, начинающий толстеть, неизящный в любви, может, не такой шумный, как Грэнджер, но циничнее его, не такой непосредственный. Фуонг я на мгновение увидел такой, какой она была в день нашего знакомства: тогда она проносилась в танце мимо моего столика в «Гран-Монд» в белом бальном платьице, восемнадцатилетняя, под надзором старшей сестры, вознамерившейся выдать ее замуж за приличного европейца. Какой-то американец приобрел билет и пригласил ее на танец. Он был немного пьян – неопасно, по-моему. Новичок в стране, он принимал всех платных партнерш в «Гран-Монд» за шлюх. На первом круге слишком крепко прижал Фуонг к себе, и она вернулась и села рядом с сестрой, а он остался стоять один среди танцующих и растерянно крутил головой, не понимая, что случилось и почему. Девушка, чьего имени я не знал, сидела смирно и пила апельсиновый сок.

– Peut-on avoir l’honneur?[19 - Не окажете ли мне честь? (фр.).] – обратился к ней Пайл с чудовищным акцентом, и вот я уже наблюдал, как они танцуют на другом конце зала. Пайл держал ее на таком почтительном расстоянии, что мог вот-вот упустить. Он танцевал отвратительно, зато Фуонг была хороша, лучше остальных платных танцевальных партнерш в «Гран-Монд» в те дни.

Ухаживание было длительным и разочаровывающим. Если бы я мог предложить ей брак и содержание, то все было бы просто, старшая сестра тактично и безмолвно исчезала бы, оставляя нас вдвоем. А так прошло три месяца, прежде чем я сумел застать Фуонг одну на балконе в «Мажестик», но и тогда сестра не уставала спрашивать через дверь, когда мы изволим появиться. На реке Сайгон разгружался при свете газовых факелов французский торговый корабль, колокольчики рикш звенели, как телефоны, я лепетал, как юный неопытный болван. Лежа без всякой надежды в своей постели на улице Катина, я и мечтать не мог, что через четыре месяца Фуонг будет находиться рядом со мной и смеяться, немного задыхаясь, как бы удивляясь тому, что все получилось не так, как она ожидала.

– Мсье Фаулер!

Я наблюдал, как они танцуют, и не заметил сигналы ее старшей сестры, сидевшей за другим столиком. Сестре пришлось подойти, а мне – неохотно предложить ей сесть. Мы с ней были в натянутых отношениях с того вечера в «Гран-Монд», когда ей стало плохо и я сам проводил Фуонг домой.

– Я не видела вас уже год, – сказала она.

– Я часто отлучаюсь в Ханой.

– Кто ваш друг?

– Его фамилия Пайл.

– Чем он занимается?

– Работает в американской экономической миссии. Снабжает голодающих швей электрическими швейными машинками.

– Они голодают?

– Не знаю.

– Им ни к чему швейные машинки. Там, где они живут, нет электричества. – Она все понимала буквально.

– Спросите об этом у Пайла, – предложил я.

– Он женат?

Я посмотрел на танцующих.

– Полагаю, ближе, чем сейчас, он с женщиной еще не бывал.

– Он плохо танцует.

– Да.

– Но выглядит приятным и надежным.

– Согласен.

– Можно мне немного посидеть с вами? Мои друзья скучные.

Музыка стихла, Пайл отвесил Фуонг неуклюжий поклон, проводил ее к столику, выдвинул для нее стул. Я видел, что Фуонг нравится его церемонность, и догадывался, что в отношениях со мной ей многого недостает.

– Познакомьтесь, – сказал я Пайлу. – Сестра Фуонг, мисс Хей.

– Чрезвычайно рад знакомству. – Он покраснел.

– Вы из Нью-Йорка? – спросила она.

– Нет, из Бостона.

– Это тоже в США?

– Да.

– Ваш отец бизнесмен?

– Он профессор.

– Учитель? – уточнила она с ноткой легкого разочарования.

– Он пользуется авторитетом. С ним консультируются.

– О здоровье? Он доктор?

– В некотором смысле. Доктор инженерных наук. Эксперт по подводной эрозии. Знаете, что это такое?

– Нет.

Пайл предпринял попытку пошутить:

– В таком случае пусть отец сам вам это объясняет.

– Он тут?

– Нет, здесь его нет.

– Но он приедет?

– Нет. Это была шутка, – виновато объяснил Пайл.

– У вас есть еще одна сестра? – обратился я к мисс Хей.

– Нет, а что?

– Похоже, вы изучаете мистера Пайла на пригодность к браку.

– У меня только одна сестра. – Мисс Хей тяжело опустила руку Пайлу на колено, как председательствующий, отбивающий ударом молоточка очередной пункт повестки.

– И какая очаровательная сестра! – воскликнул Пайл.

– Она – самая красивая девушка в Сайгоне, – заявила мисс Хей.

– Охотно верю.

– Пора заказать ужин, – вмешался я. – Даже самой красивой девушке в Сайгоне надо питаться.

– Я не голодна, – возразила Фуонг.

– Она хрупкая, – сурово, даже с угрозой в голосе продолжила мисс Хей. – Ей нужна забота. Она заслуживает ее. Она очень, очень преданная.

– Мой друг – счастливчик, – важно промолвил Пайл.

– Фуонг любит детей, – добавила мисс Хей.

Я засмеялся и поймал взгляд Пайла. Он смотрел на меня с удивлением и даже с упреком, и до меня вдруг дошло, что его искренне занимают речи мисс Хей. Пока я делал заказ (пусть Фуонг и утверждала, будто не голодна, я-то знал, что она может одолеть хороший стейк-тартар с двумя крутыми яйцами и гарниром), они стали серьезно обсуждать вопрос детей.

– Я всегда хотел много детей, – говорил Пайл. – Большая семья – это чудесно! Залог прочного брака. И для самих детей это хорошо. Сам я – единственный ребенок в семье. Быть единственным ребенком – большой недостаток. – Я еще ни разу не слышал от него таких пространных речей.

– Сколько лет вашему отцу? – хищно спросила мисс Хей.

– Шестьдесят девять.

– Старики любят внуков. Грустно, что у моей сестры нет родителей, некому будет порадоваться ее детям. Когда наступит время, – добавила она, бросив недобрый взгляд на меня.

– Так вы тоже сирота! – ляпнул Пайл.

– Наш отец был из хорошей семьи. Он был мандарином в Хюэ.

– Я всем вам заказал ужин, – сообщил я.

– Мне не надо, – произнесла мисс Хей. – Мне пора назад к друзьям. Хотелось бы снова встретиться с мистером Пайлом. Вы сможете это устроить?

– Когда вернусь с Севера, – ответил я.

– Вы уезжаете на Север?

– Пора, наверное, взглянуть, как там война.

– Все журналисты уже вернулись оттуда, – напомнил Пайл.

– Самое время для меня. Не придется сталкиваться с Грэнджером.

– Когда мсье Фаулер уедет, приходите к нам с сестрой ужинать. – И мисс Хей добавила с угрюмой учтивостью: – Повеселите ее.

После ее ухода Пайл заметил:

– Милая и культурная особа! Такой хороший английский!

– Скажите ему, что раньше у моей сестры был бизнес в Сингапуре, – гордо заявила Фуонг.

– Какой бизнес?

Я перевел ей вопрос, и она ответила:

– Импорт, экспорт. Еще она владеет стенографией.

– Хорошо бы иметь таких, как она, в нашей экономической миссии.

– Я с ней поговорю, – пообещала Фуонг. – Она бы с радостью работала с американцами.

После ужина они опять танцевали. Я – плохой танцор и не обладаю беззастенчивостью Пайла или все же был таким же, как он, когда влюбился в Фуонг? До того памятного вечера, когда мисс Хей стало плохо, я много раз танцевал с Фуонг в «Гран-Монд» только ради того, чтобы с ней поболтать. Сейчас, танцуя с ней, Пайл не пользовался этой возможностью. Он немного расслабился, не более, держал Фуонг уже не на расстоянии вытянутой руки, но оба молчали. Глядя на ее ножки – такие легкие, уверенные, даже его

заставлявшие меньше шаркать, – я опять влюбился. Мне трудно было поверить, что через час-другой Фуонг снова будет у меня, в запущенной комнате, за стеной которой, на лестничной площадке, рядом с общим туалетом, галдят старухи.

Лучше бы до меня не дошел тогда слух о Фат-Дьеме или в том слухе было бы упомянуто любое другое место, а не единственный на Севере город, где служил французский флотский офицер, благодаря дружбе с которым я мог попасть туда без ведома цензоров и без всякого контроля. Газетная сенсация? Не в те дни, когда мир хотел читать только о Корее. Шанс погибнуть? Но зачем мне погибать, когда каждую ночь рядом со мной спит Фуонг? Но я знал ответ на этот вопрос. С самого детства я не верил в постоянство, хотя мне его всегда недоставало. И боялся утратить счастье. В этом месяце, в следующем году Фуонг уйдет от меня. Ну, не в следующем году, так через три года. В моем мире единственной абсолютной ценностью являлась смерть. Расстаться с жизнью значит больше никогда ничего не терять. Я завидовал верующим в Бога и не доверял им. Подозревал, что сказка о неизменности и постоянстве придает им бодрости. Смерть очевиднее Бога, она отменяет возможность ежедневной смерти любви. Вместе с ней исчезает кошмар будущего, где властвуют скука и безразличие. Я бы никогда не стал пацифистом. Убить человека – оказать ему неоценимую помощь. О, да, люди всегда и везде любят своих врагов. Боль и пустота припасены у них для друзей.

– Простите, что увел у вас мисс Фуонг, – раздался голос Пайла.

– Я не танцую, но люблю смотреть, как танцует она. – О ней всегда говорили в третьем лице, словно ее не было рядом. Порой она казалась невидимкой, совсем как мир и покой.

Началось первое выступление вечера: певец, жонглер, комик – ужасный сквернослов; но, судя по реакции Пайла, арго был ему недоступен. Фуонг улыбалась – и он улыбался; я смеялся – он тоже хмыкал, но через силу.

– Где-то сейчас Грэнджер… – сказал я, и Пайл упрекнул меня взглядом.

Наступила кульминация вечера – труппа трансвеститов. Многих из них можно было встретить днем на улице Катина: они прогуливались взад-вперед в старых штанах и свитерах, с синими подбородками и вихляющимися бедрами. Сейчас, в

вечерних платьях с низким вырезом, в фальшивых драгоценностях, с накладными грудями и хриплыми голосами, они выглядели почти такими же желанными, как большинство европеек в Сайгоне. Молодые военные летчики встретили их свистом, они ответили очаровательными улыбками. Меня поразил резкий протест Пайла.

– Уходим, Фаулер! – воскликнул он. – С нас довольно. Она не должна этого видеть.

4

I

С колокольни собора война выглядела живописной и неподвижной, как панорама Бурской войны в старом номере «Иллюстрейтед Лондон ньюс». Самолет сбрасывал на парашютах припасы на изолированный пост в известковых горах – причудливых выветренных образованиях на границе с Аманом, похожих издалека на кучки жмыха, а поскольку он каждый раз возвращался для планирования в одну и ту же точку, то казался неподвижным, и парашют будто висел все там же, на полпути к земле. На равнине появлялись одинаковые минометные разрывы, дым стоял каменной стеной, пожар на рынке бледнел на солнце. Вдоль каналов ползли цепочками крохотные фигурки парашютистов, но с этой высоты движения не было заметно. Даже сидевший в углу священник застыл, читая свой молитвенник. На этом расстоянии война имела очень аккуратный, чистенький вид.

Я приплыл на рассвете из Намдиня на десантном судне. Мы не смогли высадиться на военно-морской базе, отрезанной неприятелем: он полностью окружил город, подойдя на расстояние в шестьсот ярдов, поэтому судну пришлось пристать у горящего рынка. Пламя превращало нас в удобную мишень, но в нас почему-то не стреляли. Все было спокойно, не считая треска и хлопанья горящих лавчонок. Я слышал, как по берегу реки выхаживает часовой-сенегалец.

Я хорошо знал Фат-Дьем до нападения неприятеля: одна длинная улица из деревянных лавок, перерезаемая через каждые сто ярдов каналом; церковь, мост. Ночью его освещали свечи и масляные фонарики (электричество в Фат-Дьеме имелось только в жилище французских офицеров), в любое время суток на улицах было людно и шумно. Прежде, прячась, совсем как в Средневековье, в тени и под защитой правящего епископа, это был самый оживленный городок в стране, но теперь, дойдя до офицерских казарм, я убедился, что он стал мертвее всех остальных. Обломки, битое стекло, запах горелой краски и штукатурки напомнили мне лондонскую улицу ранним утром, после отбоя воздушной тревоги. Не хватало только предупредительной надписи «неразорвавшаяся бомба».

Фасад офицерской казармы рухнул, дома напротив превратились в руины. Плывя по реке из Намдиня, я узнал от лейтенанта Перо, что здесь произошло. Для него, серьезного молодого человека и франкмасона, это стало карой за суеверия. Однажды епископ Фат-Дьема побывал в Европе и там уверовал в Богородицу из Фатимы, явившуюся, как верят католики, группе детей в Португалии. Вернувшись, он построил в пределах храма грот в честь Богородицы и стал ежегодно отмечать годовщину ее явления религиозной процессией. После того как власти распустили частную армию епископа, его отношения с полковником, командовавшим французскими и вьетнамскими войсками, стали натянутыми. В этом году полковник, симпатизировавший епископу – для них обоих родина была важнее католицизма, – сделал дружеский жест: возглавил вместе со своими старшими офицерами процессию. Никогда еще в Фат-Дьеме не собиралась такая толпа чествующих Богородицу из Фатимы. Пропускать это развлечение не стали даже многие буддисты – а их в городе насчитывалось около половины населения. Не верующие ни в Бога, ни в Будду и те решили, что флаги, ладанки и золотые дарохранительницы отведут от их хибар угрозу войны. Впереди процессии шествовали остатки армии епископа – его духовой оркестр. За ним тянулись, как недоросли-певчие, французские офицеры, послушные приказу полковника. Они прошли через ворота на территорию собора, миновали сначала белую статую Святого Сердца Христова, водруженную на островке посреди пруда перед собором, потом колокольню с восточным украшением – простертыми крыльями – и вступили в резной деревянный собор с колоннами из стволов деревьев-гигантов и с алым лакированным алтарем, скорее буддистским, чем христианским. Сбежалось видимо-невидимо народу изо всех деревень между каналами, местных «Нидерландов» с зелеными рисовыми чеками и золотящимися полями вместо плантаций тюльпанов и ветряных мельниц.

Затесавшихся в процессию агентов Вьетминя никто не заметил, и в ту же ночь, когда главный коммунистический батальон, обманув бдительность французских аванпостов выше на склонах, просочился по ущельям в известковых горах в Тонкинскую долину, передовые лазутчики нанесли удар по Фат-Дьему изнутри.

Теперь, через четыре дня, неприятель был отброшен при помощи парашютистов на расстояние мили от города. Это было поражение, журналистов не подпускали на пушечный выстрел, телеграммы были под запретом: газетам разрешалось рапортовать только о победах. Узнай власти о моих намерениях, меня не пустили бы дальше Ханоя. Но чем дальше от начальства, тем слабее контроль, пока не доберешься до передовой – а там ты уже желанный гость. То, что представлялось угрозой для штаба в Ханое и вызывало головную боль у полковника в Намдине, для лейтенанта на передовой превращалось в шутку, в развлечение, в признак любопытства со стороны внешнего мира, в возможность целых четыре благословенных часа драматизировать ситуацию, выставлять себя героем и подавать в ложном героическом свете даже своих раненых и убитых.

Священник захлопнул молитвенник.

– Конец, – сказал он. Он был европейцем, но не французом – епископ не потерпел бы в своей епархии французского священника. – Видите ли, – виновато объяснил он, – мне приходится подниматься на колокольню, а то эти бедняги так шумят!

Минометная стрельба звучала ближе – вероятно, противник открыл ответный огонь. Противника было нелегко отыскать: количество узких фронтов достигало дюжины, а кроме того, между каналами, фермами и рисовыми полями было множество удобных мест для засад.

Прямо под нами стояло, сидело и лежало все население Фат-Дьема. Католики, буддисты, язычники собрались здесь, навьюченные самым ценным своим имуществом – плитами для стряпни, лампами, зеркалами, халатами, циновками, иконами, – и расположились вокруг собора. Тут, на севере, с наступлением темноты воцарялся жуткий холод, и сам собор был уже полон, места внутри не осталось. Люди заняли лестницу колокольни, а толпа ломилась и ломилась в ворота, поднимая над головами младенцев и домашнюю утварь. Все, независимо от религии, верили, что здесь они будут в безопасности. У нас на глазах паренек во вьетнамской форме с винтовкой в руках был остановлен священником, отобравшим у него оружие.

– Мы нейтралы, – объяснил мне сосед по колокольне, святой отец. – Это территория Бога.

«Ну и подданные в этом Божьем царстве! – подумал я. – Перепуганная, продрогшая, голодная беднота».

– Не знаю, чем мы будем их кормить, – продолжил священник. – Тут пригодился бы великий мудрый царь.

«Всюду одно и то же, – мысленно возразил я. – Могущественные владики не самые счастливые подданные».

Внизу уже заработали лавочки.

– Похоже на огромную ярмарку, правда? – сказал я. – Но ни одного улыбающегося лица.

– Прошлой ночью они замерзли, – произнес священник. – Мы вынуждены запирать монастырские ворота, иначе люди наводнят весь монастырь.

– Здесь у вас тепло? – спросил я.

– Не очень. Места не хватило бы и для десятой части этой толпы. Знаю, что вы думаете, – добавил он. – Но хоть кому-то из нас должно быть удобно, это важно. У нас тут единственная в Фат-Дьеме больница, монахини – медсестры, других нет.

– А врач кто?

– Я делаю, что могу. – Только сейчас я заметил, что его сутана забрызгана кровью. – Вы поднялись ко мне? – спросил он.

– Нет, мне нужно было сориентироваться сверху.

– Я почему спросил? Вчера сюда поднялся один мужчина. Ему понадобилось исповедаться. Он такого навидался у канала, что был сильно напуган. Трудно

осуждать его.

– Там совсем худо?

– Они угодили под перекрестный огонь парашютистов. Бедняги! Я подумал, что и вы из числа пострадавших.

– Я не католик. Меня и христианином-то вряд ли можно назвать.

– Чего только ни делает с человеком страх.

– Со мной никакому страху не сладить. Даже если бы я верил в какого-нибудь Бога, все равно ненавидел бы идею исповеди. Стоять на коленях в вашей исповедальне? Выворачивать себя наизнанку перед другим человеком? Вы уж меня простите, святой отец, но это что-то нездоровое, даже бесчеловечное.

– О, – небрежно откликнулся он, – вы, полагаю, хороший человек. Вряд ли вам есть чего стыдиться.

Я посмотрел на церкви, аккуратно распределенные среди каналов и тянущиеся к морю. На второй по счету колокольне что-то вспыхнуло.

– Не все ваши церкви соблюдают нейтралитет, – произнес я.

– Это невозможно. Французы пообещали не заходить на территорию собора. На большее мы не рассчитываем. Там, куда вы смотрите, огневая позиция Иностранного легиона.

– Ну, я пошел. Прощайте, святой отец.

– Удачи вам. Берегитесь снайперов.

Мне пришлось проталкиваться сквозь толпу. Миновав пруд и статую с раскинутыми сахарными руками, я очутился на длинной улице. Вид открывался на три четверти мили в каждую сторону, и на всем этом пространстве я заметил только два живых существа – двух солдат с камуфляжными сетками на касках, медленно удалявшихся по обочине со взятыми на изготовку автоматами.

Неживое было представлено трупом: ноги в дверном проеме, голова на дороге. Слышны были жужжание слетающихся на смерть мух и затихающий в отдалении скрип солдатских сапог. Я поспешно миновал труп, отвернувшись в другую сторону. Через несколько минут, оглянувшись, я сообразил, что остался совсем один, не считая собственной тени, звуки тоже ограничивались моими шагами. Я почувствовал себя мишенью на стрелковом полигоне. Если бы со мной что-то случилось на этой улице, то подобрали бы меня не скоро, через много часов, мухи успели бы слететься на меня со всей округи.

Я перешел через один канал, через другой, свернул к какой-то церкви. Дюжина людей в камуфляже парашютистов сидели на земле, два офицера изучали карту. Я присоединился к ним, на меня не обратили внимания. Солдат с рацией, из которой торчала длинная антенна, сказал: «Все, можно идти», и все встали.

Я попросил на своем плохом французском разрешения присоединиться к ним. Эту войну приятно отличало то, что на поле боя европейское лицо служило пропуском: в европейце невозможно было заподозрить вражеского лазутчика.

– Вы кто? – спросил лейтенант.

– Я пишу о войне, – ответил я.

– Американец?

– Нет, англичанин.

– Тут у нас совсем мелкая заварушка, но если хотите пройти с нами… – Он стал стягивать с головы стальной шлем.

– Нет-нет, это для бойцов!

Мы прошли гуськом позади церкви, следуя за лейтенантом, и ненадолго задержались на берегу канала, чтобы солдат с рацией связался с патрулями на противоположном берегу. Разрывов свистевших над нами мин не было видно. За церковью к нам присоединились еще солдаты, и отряд разросся до трех десятков человек. Лейтенант, тыча в карту пальцем, объяснил мне:

– Доносят о трех сотнях человек вот в этой деревне. Пока мы ничего не знаем, их пока не нашли.

– Это далеко?

– В трехстах ярдах.

По рации что-то передали, и мы молча зашагали вправо от прямого канала, потом влево, в низкий кустарник. Дальше были поля и снова кустарник.

– Все чисто, – с облегчением прошептал лейтенант и махнул рукой.

Через сорок ярдов мы наткнулись на очередной канал с остатками мостика – единственной доской без перил. Лейтенант подал сигнал рассредоточиться, и мы присели, вглядываясь в неведомую территорию впереди, ярдах в тридцати за утлой доской. Солдаты, посмотрев на воду, дружно, как по команде, отвели взгляд. Сначала я не понял, в чем дело, но приглядевшись, почему-то вспомнил «Шале», шоу трансвеститов, свистящих молодых солдат и слова Пайла: «Это никуда не годится».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пер. Е. М. Голышевой.

2

Знаю. Я видела тебя в окне одного (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

3

Ты волнуешься? (фр.)

4

Полиция безопасности (фр.).

5

Ты тоже (фр.).

6

Что? (фр.)

7

Он мертв (фр.).

8

Что ты сказал? (фр.).

9

Пайл мертв. Убит (фр.).

10

Трусики (фр.).

11

Дерьмо (фр.).

12

Американский поэт, прозаик и журналист.

13

Два американца? (фр.)

14

Я старый, слишком устал (фр.).

15

Мой друг. Очень богатый (фр.).

16

Ты грязный (фр.).

17

Нет-нет, я англичанин, бедный, очень бедный (фр.).

18

Это непростительно (фр.).

19

Не окажете ли мне честь? (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/grin_grem/tihiy-amerikanec

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить